

***

В запретной советской сказке,
Свинцовой по-протестантски,
В преддверье палёных сект,
Отец привставал с дивана,
И мать меня раздевала,
Щелчком выключая свет.

И я, обалдевший за день,
Прошедший десятки стадий,
От айнов до англичан,
Страны ледяной крупица,
Сигнальщика от горниста
Нимало не отличал.

И был бесконечно долог
Мой сон, растворённый в толпах,
Пижаменных и плащевых.
На лунный нанизан вертел,
Я был, как весёлый ветер,
Средь будущих прощелыг.

Тому, кто скрипично боек,
Должно быть реально пофиг,
Сойдётся ль пасьянс «Паук».
И, призван за счастье драться,
Аккорд Мирового Братства
Выпархивал из-под рук.

***

Полжизни о цепи да об ошейнике...
Любой в уме давно б уже послал
Семидесятых ломкое брожение
И девяностых траурный базар.

Таким дерьмом отборнейшим нас пичкали! –
То Берия божествен, то Колчак –
Отплёвываясь жёваными спичками,
Шипя о спецзаказах и хачах.

Ветшавший век... на нём – толпища-толпища.
Ни перспектив, ни планов, абы как.
Окурок жизни – он святитель тот ещё,
О хладокомбинатах и быках.

Фарца, снабженцы – вот чьё было мнение.
Засалятся одни, других почнём.
А если бы иной нас мерой мерили,
Себя б и не узнали нипочём.

***

До статистик скорбных не унижусь:
Не терплю пометки «рядовой».
Сколько, в лице не изменившись,
За семь лет прошли передо мной.

Дать бы здесь, наверно, пояснение:
Мускулисты, дельны, глаз горит,
Но – клеймо столетья! – бедны семьи,
Это и сбивало их с орбит.

С вечера уложатся, как надо,
И в зелёнку на неделю-две,
Поподразделённо, покомандно,
Возвратятся в комканой листве.

А заплещет жгучий спирт в стакане,
Значит, был приказ невыполним.
Только сквозняки по ним вздыхали,
Только ливни плакали по ним.

Хоть облей гробы их карамелью,
Хоть сличай их по цементу пломб,
Так мне представлялось по раненью,
И никак иначе не могло б.

Когда рассвет, подобный щелбану,
Отпрыгивает прочь от этих брёвен,
Отпугивая ночь ещё одну,
И день встающий неопределёнен,
Един столичный нрав, куда ни ткни:
Отечества безудержная дойка.
Патриотизм – хищения одни,
Благотворительность – воры, и только.

Так зол порой, что, кажется, вальну
За разговоры, полные усмешек,
О мальчиках, успевших на войну,
И дядьках, почему-то не успевших.
Я б не успел, и счастлив был вполне,
А может, нет – судьба шутить горазда.
Тогда б и плёл, как страшно на войне,
И каменел – хотя бы для контраста.

ОКТЯБРЬ

Виктории Аракеловой

Прервутся ль дожди косые,
Встопорщится ль сидр, шипуч,
У матушки ли гусыни
В предчувствии благостыни
Из клюва заблещет луч,

Из воинства Александра
Намеренно взяв отвод,
Удача бежит, внезапна,
И снег не сегодня-завтра,
И темень уже вот-вот.

На выбеленном газоне,
В шеренге от ЛФК –
Наклоны и многоскоки,
И солнце глядит косое
В изрытые облака.

О, как бы расстаться с ними,
Творения в день седьмой,
И личной своей Цусиме
Признаться в октябрьской сини,
Как страшно сливаться с тьмой.

...Неведомые касанья!
Оранжевая консоль
Заката перед глазами,
И в небе черта косая,
Надрезанная косой.

***

Говорил мне век-дебил:
Я тебя объединил
С русским горем безутешным.
Каково в рядах терпил?
Отвечал я: слышь ты, тварь,
Хоть оглоблей отоварь,
Лишь дыхание задержим,
А вот ссучимся – едва ль.

Говорил мне век-профан:
Карачун твоим правам,
Полюбуйся, лох педальный,
Как я всех обворовал.
Отвечал ему я так:
И в трудах, и в маетах
Всяк измучен грустью тайной,
Но не слизистый пятак.

И торгаш ты, и вандал,
И пастух своих отар,
Но тебе ль я, сучий потрох,
Годы лучшие отдал?
Не тебе, и потому
Слышен Богу одному,
Плит своих огнеупорных
Мерзости не отомкну.

4-МУ НОЯБРЯ

Единенье, единенье!
С каждым часом ледянее
Травы, деревья...
Беспокойство изгоняя,
Волглый воздух – цирк с конями –
Зыблется едва.

С нами Бог! Под небом Юга
В объективы брызжет клюква.
Что ж судьбу клеймим?
Тлеет, исподволь опасна,
Дальняя авиабаза
Именем Хмеймим.

Эй, вы, Эбла и Арманум,
Уступаете норманнам?
...И не то отдашь,
Если в кулаке путчиста,
Что успел ответить «чисто!»,
Взмолится алкаш.

Долго будет он являться,
Омерзением лифляндца
Зябкий рот кривя.
Будем помнить, как бежали,
Кто в трусах, а кто в пижаме,
В дикие края.

Как бежали мы с узлами,
Выли, приходя в сознание,
Плакали навзрыд,
Кто с портфелем, кто с рейсшиной,
И тоской неразрешимой
Был наш путь изрыт.

Кто ж мы, Господи, такие?
То в частушке мы, то в гимне –
Те же, что всегда.
Чем бы нас ни озаряли,
Лил бы ливень с пузырями,
Высота – взята.

***

По-ноябрьски необъятен,
Полон золотистых пятен,
Жёлто-розоват,
Солнечный, как пшёнка с тыквой,
День безоблачный, пустынный,
Падает в закат.

Снега нет ещё в помине.
Чу! К Фемиде ли, фемине
Данника везут.
Заповеданный дреколю,
Колокольчик над рекою
Рвётся прочь из пут.

Веря мгле, как талисману,
У окна седого встану:
Тишь перед пургой.
Там, в зиме необоримой,
Прежние мечты отрину ль,
Обрету ль покой?

В облачных плутая кручах,
Жду ль чего-то, как поручик,
Нового витка?
Вечно споря с мирозданием,
Ничего-то мы не знаем,
Ни
Фи
Га

***

– Дотянули! Обнуляй
Ход времён, Тебя верставших
Звонкой россыпью фисташек,
И обои под ноябрь,

Пыль на ёлочных шарах,
Спасской башни вещей посох,
Замерший в гаражных боксах
Ивовый мельчайший прах.

Незачем душе пустой
Пажить в угреватых сучьях,
Страсть, что дремлет, как лазутчик,
Над просёлочной ездой.

– Так и быть! Ковчег смоля,
Небо расписав лучами,
Я найду стрелу в колчане,
Ту, что вас начнёт с нуля.

– Бог богам, чинам чинарь,
Светлое воспоминанье!
Если снова станем нами –
Лучше и не начинай.

***

Вот эти шпалы – год, иной,
Размозжены, убиты в ноль,
И в солидоле –
Главарь, что сбиться понукал
Сюда, где ослабел угар
Мирской юдоли.

Нашёлся б хоть один герой
Прервать искрящейся игрой
Молчанье комнат!
Ужели так они вредны,
Пинакотечные ряды,
И пыль, и холод?

Но Ты, что вечно при делах,
Остановись, податель благ:
Ты шутишь плоско.
Что ты за бездну там разверз,
Пошлее Комеди Франсэз,
Больнее Босха?

Воззри ж, как утром золотым,
Истаивают, словно дым,
Слои тумана.
А плоть? Осилив скакуна,
И углеродиста она,
И атомарна.

О, мир! Ты странен, как фольварк,
Весь в змеях, ястребах и львах,
Среди саванны,
Где мы, держась в миру своём,
По дням термитами снуём,
Бессмертьем званы.

Ему Тобой принесены,
Мы – ожидание зимы,
А в промежутках
Лютует вьюга, даль яря,
Под серебрянье ноября
На листьях жухлых.